

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕМЕЦКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ОЙКОНИМИИ КРЫМА

А. В. Ясыба

Донецкий национальный университет

В статье рассматриваются вопросы истории колонизации территории Крыма немецкими переселенцами. Исследуются структурно-словообразовательные типы, лексико-семантические особенности и способы номинации названий немецких поселений с учетом существования данных населений в условиях взаимодействия немецкой и тюркской культур и языков. Рассматриваются также вопросы функционирования и адаптации комонимов в условиях билингвизма.

Ключевые слова: поселение, ойконим, комоним, немецкие и тюркские названия, язык, культура, билингвизм, топонимическая номинация

Дана стаття присвячена дослідженню взаємодії німецької та тюркських мов в ойконімії Криму. Дослідження проводиться на матеріалі комонімів – назв німецьких сільських поселень Криму, створених протягом історичного періоду XVIII – першої половини XX століття. У статті розглядаються питання історії колонізації території Криму німецькими переселенцями. Досліджуються структурно-словотвірні типи, лексико-семантичні особливості та способи номінації назв німецьких поселень з урахуванням існування даних поселень в умовах взаємодії німецької та тюркських культур і мов. Розглядаються також питання функціонування та адаптації комонімів в умовах білінгвізму.

Ключові слова: поселення, колонія, ойконім, комонім, німецькі власні назви, тюркські власні назви, топонімічна номінація, мова, культура, білінгвізм

The given article deals with the interaction of the German and Turkic languages in the oiconymy of the Crimea. The research is carried out on the material of commonyms – German rural settlements' names on the Crimean territory created during the 18-th – the first half of the 20-th century historical period.

The problems of the history of Crimean colonization by German settlers are regarded in this article. The structural and word-building types, lexico-semantic peculiarities as well as German colonies' nomination have been studied, the interaction of the German and Turkic cultures and languages being taken into consideration. Adaptation and functioning of commonyms in the bilingual conditions are also treated.

Key words: settlement, colony, oiconym, commonym, German proper names, Turkic proper names, toponymical nomination, language, culture, bilinguism

Территория современного Крыма за период своей тысячелетней истории ощутила влияние различных этносов, одним из которых был немецкий. Заселение и экономическое освоение Крыма немецкими переселенцами связано с колонизационной политикой Российской Империи. Идея основания в Государстве Российском иностранных земледельческих колоний была сформулирована еще императрицей Елисаветой Петровной, при которой впервые появились общие положения о призыве иностранцев. В отличие от Елисаветы, которая приглашала в первую очередь сербов, хорватов, валахов и создавала военно-земледельческие поселения, защищавшие от набегов татар, Екатерина II законодательно разработала колонизационную политику (Манифесты от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г.) и приглашала всех иностранцев, основной контингент которых составили выходцы из германских земель [7, с. 35; 12, с. 2-3]. Во времена правления Павла I (1796-1801 гг.), Александра I (1801-1825 гг.) и Николая I (1825-1855 гг.), которые продолжили политику Екатерины, так называемые «пост-екатерининские» немцы селились большей частью на Украине – в южных ее областях, в Приазовье, в Причерноморье и в Крыму

[8, с. 8-9; 9, с. 20-21; 10, с. 54-59, с. 62-65; 18, с. 374]. Более 200 лет назад, после присоединения Крыма к России (Манифест от 8 апреля 1783 г.) и началась история крымских немцев. В конце XVIII в. правительством России был издан ряд манифестов, из которых следовало, что в Таврическую губернию, к которой также относилась и территория Крыма, приглашаются иностранцы. В соответствии с «Планом устройства и заселения Таврической губернии», представленным князем Г. И. Потёмкиным, было решено приглашать немецкие семьи, зарекомендовавшие себя приложением, знающие экономические процессы ведения хозяйства и имеющие высокий уровень культурного развития. С 1802 года немцы начали прибывать в Крым. Переселение шло из различных земель Германии (Вюртемберг, Баден, Нассау, Пфальц, Швабия, Эльзас, Бавария), из Швейцарии и Австрии. В Крым также приезжают немцы, проживавшие до этого времени в Петербургской и Екатеринославской губерниях. Прибывшие в числе первых немецкие колонисты из Вюртемберга, Бадена, Цюрихского кантона Швейцарии основали небольшую колонию в Судаке (к. Судакская), Отузах (к. Верхний Отуз, ныне пгт. Щebetовка Феодосийского горсовета), выходцы из Эльзас-Лотарингии – Цюрихтальскую волость недалеко от Феодосии. К юго-востоку от Джанкоя была создана Эйгенфельдская волость. В Симферопольском уезде была сформирована Нейзацкая волость. К 1805 году уже сложилось население ряда официальных колоний, давших начало будущим большим поселениям: их

было три в Симферопольском уезде – Фриденталь, Нойзац и Розенталь (ныне с. Курортное, с. Красногорское, с. Ароматное Белогорского района), здесь поселились выходцы из Вюртемберга. В Феодосийском уезде возникли четыре колонии: Гейльбрун (ныне с. Приветное Кировского района), Герценберг (ныне с. Пионерское Феодосийского горсовета), Цюрихталь (ныне с. Золотое Поле Кировского района) и Судак. В первые три колонии переселялись немцы из Вюртемберга, Бадена, Пруссии, Баварии и Нассау, а в последнюю – из Швейцарии. В 1811 году в Симферопольском уезде появилась еще одна немецкая колония – Кроненталь (ныне с. Кольчугино Симферопольского района), ее основали выходцы из Баварии и Вюртемберга. Это были так называемые материнские колонии – «Mutterkolonien», выходцы из которых стали впоследствии переселяться в другие населенные пункты или основывать новые [4; 9, с. 20; 11]. С 1816 года вызов иностранцев был запрещен. На этом завершается первый этап переселения колонистов из-за границы в Крым. До 1842 года правительство предоставляло землю вновь образующимся колониям из льготных казенных наделов, но затем прекратило это делать. Так как землю наследовал только старший сын, а остальные становились безземельными, после 1842 года начали появляться дочерние колонии. Их основывали немцы, поселившиеся в Крыму до указа, и их потомки. К 1865 году, по данным центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в Крыму уже было 45 мест с немецким населением. Половина из них приходилась на Феодосийский уезд, остальные – на Перекопский, Евпаторийский и Симферопольский уезды. В 60-70-е гг. XIX в. правительство вновь решило пригласить немцев для освоения земель, которые покинули крымские татары в 1856-1862 гг.. С этого времени начинается второй этап переселения немцев, приезжающих из Германии и, главным образом, из материковой части Таврической губернии [4; 11]. В 1864-1872 гг. из материнских колоний выехали поселенцы и основали в Крыму 4 дочерние колонии: Шенбрунн (1864 г.), Кирк, Шенфельд и Аннефельд (возможно Анновка) (1872 г.). Позднее в Крыму было создано еще 10 дочерних колоний: Вассеррейх, Гебронн, Вестгейм (1880 г.), Гоффнунгсфельд (1883 г.), Копан (1888 г.), Дуйдобе (1893 г.), Аджиджар, Абаклы, Муний, Ак-Шейк (1897 г.)

[3, с. 174]. К началу XX в. немцы составляли значительную часть многонационального населения Крыма.

Изучение исторических аспектов немецкой колонизации Приазовья и Причерноморья, тесно связанной и с заселением Крыма, показало, что сама эта тема, как серьезная научная проблема, нашла отражение во многих дореволюционных (А. А. Скальковский, Г. Г. Писаревский, А. Клаус, Д. И. Багалея, Кеппен, А. Шмидт, В. О. Ключевской, В. Ф. Бабенко, Я. Штах, К. Э. Линдеман, А. Смирнов, Э. Августинович, А. А. Палтов и др.) и послереволюционных (И. А. Малиновский, В. И. Наулко, Р. Корн, Е. И. Дружинина, В. Чеботарева, В. М. Кабузан, И. М. Кулинич,

В. К. Эрлик и др.) исследованиях, а также в работах зарубежных ученых (Г. Лейббрандт,

И. Флейшхауэр, Д. Брандес, А. Айсфельд, К. Штумпп и др.). Дореволюционной историографией был накоплен значительный конкретный материал и созданы предпосылки для проведения специальных научных исследований. Однако идеологическая ситуация в советский период не только не способствовала изучению проблем немецкой колонизации, но и препятствовала каким бы то ни было научным изысканиям в данном направлении. Длительный период исследовательский процесс был свернут и только лишь во второй половине 50-х годов начинается медленная реанимация этой проблемы наукой [20, с. 185-186]. Различные вопросы немецкой колонизации в последнее время интенсивно изучаются историками, этнографами, филологами

[5; 6; 7; 8; 9; 10; 12]. Что касается немецких поселений Крыма, следует отметить, что данная тема в современной литературе разработана недостаточно, имеются немногочисленные работы исторического характера, в основном зарубежных авторов [22; 23; 26; 27; 28]. Среди немногочисленных попыток исследовать проблему немецких поселений с лингвистической точки зрения заслуживают внимания работы В. М. Жирмунского [24; 25]. Таким образом, выбор объекта исследования актуален, поскольку до настоящего времени еще не была предпринята попытка комплексного лингвистического исследования немецких ойконимов, а именно немецких комонимов, отражающего процессы взаимодействия немецкого и тюркских языков в ойконимии Крыма, и данная проблема требует всестороннего лингвистического изучения во взаимосвязи с историей, географией, этнографией, культурологией и другими науками.

Цель исследования: изучение взаимодействия немецкого и тюркских языков в ойконимии Крыма; комплексный лингвистический анализ комонимов – названий немецких сельских поселений Крыма. **Задачи исследования** заключаются в изучении особенностей возникновения, функционирования и адаптации комонимов в условиях билингвизма во взаимодействии с тюркскими ойконимами, выявлении их лексико-семантических особенностей и способов номинации, определении структурно-словообразовательных типов комонимов. **Материал** для исследования собран в Евангелистском Центральном архиве г. Берлина, в Донецком областном архиве, в Российском государственном историческом архиве г. Москвы, в Российском государственном архиве древних актов г. Москвы, в Центральном государственном архиве республики Крым, в библиотеках Москвы, Киева, Донецка. Основными источниками практического материала послужили метрические книги, исторические и этнографические карты, списки населенных пунктов, среди которых важное место занимают списки населенных пунктов Таврической губернии [14], и данные переписи населения. Этнографическая карта европейской России 1875 года отображает всего 22 немецких поселения в Крыму, фиксируя местами компактного проживания немцев также такие города, как

Симферополь и Евпатория. Однако немецких поселений насчитывалось гораздо больше. Многие географические карты этого времени не всегда правильно фиксировали некоторые названия, в частности отображали названия не всех немецких поселений, существующих в данный период. Более точную и полную информацию по всем образовавшимся в конце XVIII – начале XX столетия немецким населенным пунктам предоставил исследователь К. Штумпп. К 1921 году, по данным составленных им карт, в Крыму существовало 143 немецких поселения [27]. На основании изученных этнографических, исторических и географических карт, исторических документов, материалов архивов городов Украины, России и Германии, списков населенных пунктов, работ отечественных и зарубежных авторов, нами установлено, что на территории Крыма в период конца XVIII – первой половины XX столетия было основано 160 немецких поселений. Уже совершенно очевидно, что многие немецкие названия навсегда ушли в прошлое, поэтому в отдельных случаях достаточно сложно установить точное количество немецких колоний в длительный период времени. Возможные погрешности при подсчете и выборке названий возникают из-за неточностей и ошибок картографов, чиновников при переписи, а также в результате отсутствия необходимых архивных данных: карт, документации, списков населенных пунктов, которые были утеряны, уничтожены или вывезены за рубеж во времена Великой Отечественной войны.

Возникновение немецких поселений и их существование на территории Крыма происходило в условиях билингвизма, т.е. во взаимодействии разных культур и языков. Например, среди немецких поселений есть 7 со славянскими названиями, такие как *Анновка, Александровка, Даниловка, Царевич* и др. Присутствие тюркского этнического элемента, которое довольно часто прослеживается в немецкой топонимии данной территории, очевидно. В результате длительного военного противостояния между Российской и Османской империями Крымское ханство утратило свою независимость, а крымские татары стали объектом колониальной политики Российского государства. Разоренные войной, не ужившиеся с новыми русскими порядками, татары массами бежали в Турцию. Только за 1860-1863 гг. выселилось более 180 000 татар. По официальным данным, в 1863 году совершенно опустели 784 татарские деревни и аула только в Таврической губернии. Полагают, что из Крыма за период трех так называемых волн массового переселения татар (1784-1800 гг., 1800-1812 гг., 1850-1862 /1865гг.) выселилось до 60% всего татарского населения [1; 2]. Покинутые селения заселяли немецкие колонисты. Таким образом, лингвистический анализ топонимов показывает, что названия немецких колоний имеют не только немецкое, но в большинстве своем и тюркское происхождение. **Объектом** лингвистического анализа послужили лишь 37 (23,1%) лексических единиц немецкого происхождения, а также 98 (61,25%) единиц тюркского происхождения. Практический материал включает также 7 единиц славянского происхождения и 4 единицы смешанного происхождения (3 из них немецко-тюркского, 1 – немецко-славянского происхождения), этимология 9 единиц точно не установлена. Из-за отсутствия необходимых документов точно не установлены также названия 4 хуторов и 1 колонии. Таким образом, фактически исследовано 135 топонимов (37 единиц немецкого и 98 – тюркского происхождения).

В таких названиях, как *Franzfeld, Friedental, Herzenberg*, без сомнения, легко эксплицируется их немецкое происхождение. Большинство топонимов имеет тюркское происхождение: *Ajtugan, Dewlat-Alli, Otar, Otesch, Tarchanlar* (здесь и далее сохранено немецкое написание тюркских названий) и т.д., о чем свидетельствует наличие древнетюркских/тюркских компонентов. Сравним: *'aj, ay'* – луна, месяц [13; С. 98-99]; *'devlet'* – государство, империя; *'otar'* – пастбище, отдаленное от аула [13; С. 487-488]; *'ot'* – огонь, пламя [13; С. 483-484] (тур. *'ateş'* – огонь, пламя); *'тархан'* – от татар. *'тархан'* – представитель привилегированной верхушки; суффикс *-lar* – суффикс множественного числа в тюркских языках и т.д. Большинство немецких поселений было основано в степной части Крыма, и лишь немногие из них находились на Южном берегу. Старая топонимия степного Крыма резко отличалась от южнобережной именно наличием большого числа единиц, восходящих к названиям тюркских племен, родов и их подразделений. Например, такое название, как *Otuз*, попало в топонимический ряд через посредство родовых имен, и поэтому его нельзя непосредственно возводить к имени нарицательному *'тридцать'* [16, с. 88]. Установленные рамки исследования, к сожалению, не позволяют подробно остановиться на этимологическом толковании топонимов тюркского происхождения. Трудно сказать, к какой именно линии топонимической номинации восходят такие названия, как *Akkabeck, Ak-Scheich, Aytugan, Burağan, Temir, Tschelebi-Elli, Usbek* – к оседлой или кочевой, т.е. происходило ли именование объектов посредством имен нарицательных (ср.: тюрк. *'ak'* – белый; *'burağan'* – шквал, сильный порыв ветра; *'çelebi'* – господин; титул главы ордена дервишей Бекташии и Мевлеви; *'temir, demir'* – железо) или обозначений родо-племенных подразделений, восходящим к соответствующим антропонимам и титулам. Важно то, что все эти названия, без сомнения, восходят к древнетюркским наименованиям и были сохранены при заселении территории представителями другой этнической общности. При отсутствии словарей родовых имен и недостаточной изученности последней анализ подобных названий доставляет значительные трудности, что приводит к ложному ориентированию на приблизительно созвучные им имена нарицательные, нередко противоречащие именуемым реалиям. Изучение этимологии названий имеет важное значение, поскольку иногда, из-за неправильного толкования, некоторые тюркские названия могут быть причислены к названиям, имеющим немецкое, славянское либо смешанное происхождение, например: *Карагум*. На первый взгляд такое название представляет собой смешанное наименование: либо тюркское+немецкое (ср.: тюрк. *'kara'* – черный; нем. *'das Gut'* – имущество, благо), либо тюркское+славянское (ср.: тюрк. *'kara'* – черный; укр.

диал. 'гута' – стекольный завод), хотя происходит от татарского 'карагат' → 'карлыган' → 'карлыганлык' – смородина; заросли смородины, смородинник. И только глубокое исследование этимологии названия во взаимосвязи с историей, картографией, этнологией, знакомство с исторической литературой, архивными документами и т.п. позволяет выявить истинное значение, что является наиболее важным при изучении функционирования того или иного названия в условиях билингвизма на территории пересечения разных этносов, культуры и языков.

При основании немецких поселений либо сохранялось первоначальное тюркское название (*Abakly*, *Adshi-Achmat*, *Akmanai*), либо наряду с исконно тюркским названием появилось и существовало новое – немецкое: *Schönfeld* (Колтомак), *Wasserreich* (Керлеум), *Westheim* (Куляр Купчак или Кулар-Купчак), что свидетельствует о толерантности немецкого населения к культуре и языку другого народа, отраженных в названиях поселений. Некоторые названия представляют собой составные комонимы, состоящие из двух слов, одно из которых немецкого происхождения, другое – тюркского: *Sleich-Elli* [21, с. 367-368]. Однако более глубокий анализ показал, что часто такие, на первый взгляд, смешанные названия не являлись таковыми. Из-за неправильного восприятия немцами фонетического строя незнакомого языка и неправильной записи названий возникали недоразумения. Нередко простые объяснения немецкого населения таили ошибки, которые возникли в результате переосмысления тюркского названия по внешнему созвучию. Тюркское *Şeyh* было записано как *Sleich* (ср.: нем. 'der Schleicher' – проныра, подлиза, лицемер), *Esen-iki* – как *Essen-Ecke* (тур. 'esen' – здоровый, в добром здравии; мирный, спокойный, 'iki' – два [13, с. 308-309, с. 337-339]; нем. 'das Essen' – еда, пища, 'die Ecke' – угол), что привело к полному переосмыслению этих названий. Адаптация тюркских названий в немецкоязычной среде выражалась также и в особенностях правописания. Немцы записывали тюркские названия немецкой транскрипцией, часто с заменой букв и некоторыми искажениями: *Ateş* – *Atesch/Otesch*, *Ikibaş* – *Ekibasch*, *Devlet-Ali* – *Dewlat-Alli*, *Çelebi-Elle* – *Tschelebi-Elli*, *Burağan* – *Buragan*, *Üç-ark* – *Utsch-Orka*. Иногда неправильное написание приводило к искажению значения: *Mula-Elli* –

Mola-Elli (тур. 'mula' – мула; тур. 'mola' – привал). В таких смешанных названиях, как

Neu-Telentschi, *Neu-Bajaut*, немецкий компонент *Neu-* (новый) указывает на то, что данные поселения были созданы недалеко от уже существующих либо были созданы немцами переселенцами на месте опустевших татарских поселений «по-новому». Каждый язык вбирает в себя весь комплекс географических названий, не только созданных сегодня из его слов и словообразовательных элементов, но и унаследованных от предыдущих эпох. Каждый язык распоряжается этими названиями по-своему, видоизменяя и «исправляя» то, что не согласуется с его «представлениями» о географических названиях. Поэтому для каждой эпохи все топонимы в равной мере оказываются словами того языка, который господствует на данной территории [16, с. 166].

Структурно-семантический анализ показывает, что большая часть исследуемых комонимов принадлежит к самому многочисленному в современных германских языках типу сложных слов, образованных по способу «полносложения», т.е. данные комонимы представляют собой топонимические сложения, к которым относятся наименования, первый компонент которых имеет форму основы [15, с. 112]: *Bergstadt*, *Bruderfeld*, *Heilbrunn*, *Hochheim*, *Neudorf*, *Neusatz*, *Schwestertal*, *Wasserreich*, *Westheim*, *Zürichtal*. Небольшая часть композитов представляет собой неполносложные соединения, первый компонент которых соединяется со вторым при помощи соединительного элемента *-(e)s-*, *-(e)n-*, *-(e)er-* [15, с. 112]: *Friedensstein*, *Hoffnungstal*, *Jochansfeld*, *Freudental*, *Grünental*, *Herzenberg*, *Marienuh*, *Schönerfeld*. Реже встречаются простые (корневые названия): *Kirk*, *Otar*, *Otus*, *Spat*, *Temir*. Значительное количество тюркских названий – это составные комонимы, состоящие из двух и более слов, где различаются один или два уточнителя и одно опорное слово: *Aschaga-Dshankoi*, *Bijuk-Busaw*, *Bijuk-Kaban*, *Dshaga-Scheich-Elli*, *Effen-Ecki*, *Juchari-Dshamin*, *Otar-Mojnak*, *Sobach-Elli*, *Utsch-Orka* [21, с. 367-368], к ним относятся и смешанные названия: *Neu-Bajaut*, *Neu-Telentschi*. Немцы-переселенцы при назывании населенных пунктов использовали такие способы ойконимной номинации, как: 1) **трансонимизация** – называние по фамилии/имени владельца (*Anita*, *Endik*, *Kirk*, *Konrad*, *Spat*) и 2) **именование посредством сложения** (антропо)основ (*Annafeld*, *Eugenfeld*, *Franzfeld*, *Marienuh*, *Bergstadt*, *Hochheim*, *Rosental*, *Wasserreich*). Следует отметить, что комонимы второго типа однозначно трактовать сложно. Основную трудность представляют комонимы с различными компонентами- (антропо)основами, которые можно рассматривать двояко: 1) как слова, образованные по моделям а) антропоним + апеллятив, б) апеллятив + апеллятив, в) атрибутивное слово + апеллятив и 2) как перенесенные топонимы – названия населенных пунктов Германии, перенесенные на новые места [19, с. 221-222]. Комонимы, представляющие собой сложные слова, имеют следующий состав:

1) антропооснова + апеллятив (*Annafeld*, *Jochannruh*); 2) апеллятив + апеллятив (*Schwestertal*, *Bruderfeld*); 3) атрибутивное слово + апеллятив (*Neudorf*, *Heilbrunn*). В качестве определяемого компонента (финальной основы) выступают 11 имен существительных, а именно:

-berg (1 единица), **-brunnen** (3 единицы), **-dorf** (1 единица), **-feld** (8 единиц), **-heim** (2 единицы),

-stadt (1 единица), **-reich** (1 единица), **-ruhe** (3 единицы), **-sitz** (1 единица), **-stein** (1 единица),

-teil (10 единиц). В топонимии Германии существует много топонимов с вышеперечисленными

компонентами, поэтому достаточно трудно определить, были ли эти названия созданы немцами-колонистами осознанно или же они были перенесены с тех мест, откуда прибыли переселенцы. В качестве первых компонентов композитов выступают антропонимы (*Anna-*, *Eugen-*, *Johann-*, *Franz-*, *Marie-*),

ойконимы (*Zürich-*), апеллятивы (*Berg-, Bruder-, Freude-, Herz-, Hoffnung-, Krone-, Rose-, Schwester-, Wasser-*), атрибутивные слова: имена прилагательные (*Eben-, Grün-, Heil-, Hoch-, Neu-, Schön-, Westen-*), числительные (*Sieben-*). Отличительной чертой изучаемых комонимов является то, что лишь небольшая их часть является мотивированной. Бóльшее количество комонимов можно классифицировать как немотивированные или частично мотивированные, т.е. это названия населенных пунктов Германии в Крыму. В нашем материале трудно разграничить комонимы с так называемой «классической топонимической мотивацией», т.е. названия, связанные с особенностями рельефа местности, различными водными объектами и др. Такие вторые компоненты сложных слов (топоосновы), как *-berg (гора)*, *-brunnen (источник)*, *-feld (поле)* не всегда соответствуют особенностям местности, где располагались поселения с такими названиями (данный факт установлен на основе изучения топонимических и географических карт времени создания поселений). Однако принимая во внимание большое количество названий с компонентами *-feld* (8 единиц) и *-teil* (10 единиц), можно предположить, что данные названия мотивированы наличием долин и полей на месте их расположения. В названиях *Bergstadt, Bergental, Siebenbrunn, Wasserreich* также запечатлены природные особенности степного Крыма (ср.: дословно – *Горный город, Горная долина, Семь источников, Полноводное/Многоводное*). Не исключено, что данные названия являются полностью мотивированными.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы** общего характера:

1. Топонимическая система немцев-переселенцев формировалась интенсивно в прямом взаимодействии с тюркскими ойконимами. 2. Влияние тюркских культур и языков при формировании названий немецких поселений было значительным: 61,25% всех комонимов – тюркского происхождения и только 23,1% имеют немецкое происхождение. 3. Возникновение и функционирование комонимов в условиях билингвизма способствовало интенсивной адаптации тюркских названий в немецкоязычной среде (переосмысление, искажение значений, «немецкое» написание, замена названий, возникновение смешанных и двойных наименований).

4. В соответствии со словообразовательной структурой мы выделяем три группы комонимов: **составные** комонимы, **топонимические сложения**, которые составляют бóльшую часть исследуемых комонимов, **простые** или **корневые** названия, большинство которых составляют названия хуторов, названных по фамилии/имени владельца/основателя. 5. Большинство композитов создано по модели «имя существительное (определение) + имя существительное (определяемое)». Первые и вторые основы их неодинаковы по своему значению и употребительности. Среди инициальных и опорных компонентов преобладают в основном компоненты, восходящие к существительным.

Таким образом, изучение комонимов немецкого происхождения на территории Крыма показывает, насколько велика может быть степень адаптации иностранных имен собственных к условиям жизни и сознанию представителей иных национально-культурных общностей в процессе взаимодействия различных культур и языков. Любой контакт языков и культур, чем бы он ни был вызван, какой бы характер он ни носил, и как бы ни относились носители контактируемых языков и культур к самому факту контакта, не проходит бесследно для обоих участников этой встречи [17, с. 4]. Топонимы очень ярко отражают контакты между представителями разных национальностей: территориальные соприкосновения приводят к более или менее тесному взаимодействию культур, что неизбежно находит свое выражение и в языке [21, с. 368]. Проблема возникновения и функционирования комонимов в условиях билингвизма, вопросы взаимодействия немецкого и тюркских языков в ойконимии Крыма, без сомнения, требуют дальнейшего комплексного лингвистического изучения с проведением детального культурологического, исторического, этимологического и социального анализа. Комплексное исследование географических названий позволит внести вклад как в исследование частных проблем ономастики, в частности топонимики, так и в общетеоретические положения науки о языке. Практический результат такого рода исследования должен состоять в выборке материала исследования, его картографировании, анализе, описании, систематизации и интерпретации полученных данных, а также в составлении списков и топонимических карт названий немецких поселений. Собственно лингвистическому анализу необходимо предпослать анализ культурологический и социальный, которые призваны осветить и лингвострановедческий аспект.

Литература:

1. Аппазов Р. Крым глазами Евгения Маркова: <http://www.kirimtatar.com/Researches/rappazov.html>.
2. Бекирова Г. Проблемы эмиграции крымских татар в российской исторической литературе XIX в. – 30-х годов XX века: <http://www.kirimtatar.com/Researches/1783.html>.
3. Брандес Д. Бердянский колонистский округ//Энциклопедия «Немцы России». – М.: Изд-во «ЭРН», 1999. – Т. 1. – С. 173-175.
4. Дайненко Л. И. Немецкие колонии в Крыму: <http://www.crimea.edu/crimea/etno/articles/neml01/>.
5. Дынгес А. А. История немцев Украины с 1730 до 1917 гг.: Программа курса и избранная историография. – Донецк: Алекс, 2002. – 141 с.
6. Загальна бібліографія філологічно-етнографічних досліджень історії німецьких колоністів в Пруссії, Російській Імперії та Радянському Союзі, Канаді, Північній Америці тощо: <http://www.lib.nsd.edu/grhc/info/bibliography/dialekt2.html>.
7. Исмаилов Магомед. Возникновение немецких колоний Юга Украины (конец XVIII – 30-е годы XIX в.). – Дисс... кандидата исторических наук. – Днепропетровск: ДГосУ, 1994. – 233 с.

8. Кресс Эрнст. Российские немцы или немецкие россияне на историческом перекрестке культур и языков. – М.: МАЛП, 1995. – 80 с.
9. Кулінич І. М. Німецькі колонії на Україні (60-ті рр. XVIII ст. – 1917 р.)//Українській історичний журнал. – 1990. – №9. – С. 18-30.
10. Кулінич І. М., Кривець Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К.: Інститут історії України НАН України, 1995. – 272 с.
11. Лаптев Ю. Н. Немецкие колонии Крыма и их хозяйственная деятельность в XIX – начале XX века: <http://www.crimea.edu/crimea/etno/articles/nemkol/>.
12. Немцы Приазовья и Причерноморья: история и современность (к 200-летию переселения): Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Приазовье и Причерноморье, г. Донецк, 27-28 сентября 2003 г. – Донецк: Аспект, 2003. – 305 с.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 67 с.
14. Списки населенных мест Российской империи: В 65 вып./ Центральный Статистический комитет Министерства Внутренних Дел. – СПб., 1865. – Вып. 41: Таврическая губерния. – 3, LV. – 138 с.
15. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. – М.: Изд-во л-ры на иностранных языках, 1953. – 375 с.
16. Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.
17. Топоров В. Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов//Славяноведение. – М.: Наука, 1997. – №1 – С. 4-8.
18. Филимонова Т. Д., Смирнова Т. Б. Немцы//Народы и религии мира: Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – С. 373-375.
19. Ясыба А. В. Словообразовательные особенности комонимов немецкого происхождения//Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2002. – Вып. 8. – С. 217-227.
20. Ясыба А. В. Лексика немецкого происхождения в топонимии Северного Приазовья и Причерноморья//Немцы Приазовья и Причерноморья: история и современность (к 200-летию переселения): Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Приазовье и Причерноморье. – Донецк: Аспект, 2003. – С.185-192.
21. Ясыба А. В. Взаимодействие национальных культур и языков в немецкой топонимии Крыма//Материалы X Международной конференции по функциональной лингвистике: «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». – Ялта: Доля, 2003. – С. 367-368.
22. Auerbach, Hans. Die Besiedlung der Südukraine in den Jahren 1774-1787. – Wiesbaden, 1965. –136 S.
23. Pauser, Franz. Die Ukraine. – Berlin: Volk und Reich Verlag, 1943. –150 S.
24. Schirmunski, Viktor. Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte. Mundarten. Volkskunde. – Charkow: Zentral-Völker-Verlag, allukr. Abteilung beim Präsidium des Z.V.K., 1928. –161 S.
25. Schirmunski, Viktor. Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union//Deutsche Volkskunde im außerdeutschen Osten. – Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter&Co., 1930. – S. 52-81.
26. Schmid, Edmund. Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet Südrußlands. – Berlin, 1919. – 39 S.
27. Stumpp, Karl. Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet dem früheren Neu- (Süd-) Russland. – Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1922. – 54 S.
28. Wolther, Margarete. Die Gemeindebereich von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer. – Leipzig, 1941. – 230 S.